

ФЕДОР АБРАМОВ
ПРОЛЕТАЛИ ЛЕБЕДИ

*Рассказ
(фрагмент)*

1

Когда у Авдотьи Малаховой заметили брюхо, пересудам, казалось, не будет конца. Как! Это на сорок-то третьем забеременеть? Да что она — с ума сошла? Без зубов, руки и ноги ревматизмом разворочены — да ей в пору об инвалидном доме думать, а не рожать. А главное — каким ветром надуло? Неужто это Василий памятку о себе оставил, перед тем как отправиться на тот свет?

Сама Авдотья, по правде говоря, не очень-то прислушивалась к этим пересудам. Пускай стрекочут — на то бабам и язык дан. А вот сумеет ли она благополучно разродиться? Не слишком ли поздно пришло к ней это счастье, о котором она мечтала всю жизнь?

Местная фельдшерица Дина, осмотрев ее, замахала руками:

— Не выдумывай. Поезжай скорее в райбольницу. Может, еще не поздно...

И вот в это время нашелся в деревне человек, который одобрил ее, — Манефа, одинокая гулящая Манефа, года на три моложе ее.

— Рожай, Дуня. Не слушай никого. Им — что? — Она имела в виду баб. — У них лавки ломаются от ребят. А я бы вот хоть какую муку вытерпела, смерть бы приняла... — И, не договорив, расплакалась.

Вскоре та же самая Манефа опять заявила к Авдотье, на этот раз с подарком, который купила в райцентре на базаре.

— Вот, наглядное пособие тебе привезла, — весело сказала Манефа и развернула блестящий лакированный коврик.

На коврике была щедро выписана полная румяная красавица с рыжими распущенными волосами и большими холмообразными грудями, с которых была приспущена нижняя сорочка. Красавица сидела, облокотясь, у раскрытого окна какого-то островерхого терема, похожего на старую заброшенную силосную башню, и томно смотрела вниз. А внизу, на озере, целовались два желтоклювых лебедя.

— Хороша картинка? Есть на что поглядеть? — прищелкнула языком Манефа.

— Да что и говорить. Баско, — согласилась Авдотья.

— Ну раз баско, владей.

И Манефа сама прибила коврик к стене над кроватью — и в сумрачной низкой избе вроде посветлело.

Прощаясь, она сказала:

— Вот, поглядывай почаще на эту картинку — таких же лебедушек родишь.

— Двух? — поперхнулась Авдотья. — Господь с тобой! Да мне лучше и картинки не надо.

Но картинка осталась на своем месте. И позже, когда Авдотья уже не могла ходить и часами лежала на кровати, она подолгу смотрела на двух желтоклювых целующихся лебедей. А что ей еще оставалось делать? Шитье в руках у нее не держалось, ее замучили головные боли, бабы все на работе, Манефа тоже из виду пропала — опять, говорят, утянулась в город за каким-то хахалем, а разглядывать картинку все-таки было развлечением.

И в конце концов все вышло так, как предсказала беспутная Манефа: Авдотья, к всеобщему удивлению, родила двойню — девочку и мальчика.

Девочку назвали многообещающим именем Надежда. Хорошая подмога будет матери: крепкая, голосистая — с улицы слышно, как орет. Ну, а над именем мальчика и

раздумывать много было нечего: синюшный, как ни назови его, все равно помрет. Это был общий приговор всех соседок, собравшихся на крестины. И поэтому, когда под окошком закачался знакомый облезлый заячий треух Паньки-пастуха, здорового придурковатого мужичины, кто-то, спохватившись, сказал (надо же было все-таки назвать как-то ребенка, хотя бы для того, чтоб записать в сельсоветовской книге):

— А вот Паисий идет. Чем не имя?

Так и назвали мальчика по имени придурковатого пастуха Паньки.

...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Пролетали лебеди : рассказ // Звезда. — 1965. — № 10. — С. 106—111